

РЕСТАВРАТОРЫ

Тамара Князева

Изучение и восстановление богатейшего историко-художественного и архитектурного наследия земли Владимирской было бы невозможно без собственной, годами сложившейся школы реставрационного мастерства. Сегодня, после трудных лет «перестройки», лицом этой школы, по мнению специалистов и общественности, стало государственное научно-производственное предприятие «Владспецреставрация», которое возглавил заслуженный деятель искусств России, член-корреспондент Академии архитектурного наследия Александр Игнатьевич Скворцов. В структуре предприятия — архитектурная и художественная мастерские, центр реставрации редких книг. Выставки работ, организованные коллективами мастерских, — «Спасенные шедевры» и «Великое наследие» — воочию показали яркие творческие достижения владимирских реставраторов и, как результат, возвращение к жизни ценнейших памятников старины. Редакция задалась целью рассказать читателям о реставрации и реставраторах из Владимира, трудом которых сохраняются известные всему миру шедевры древнерусского зодчества — такие, как Успенский и Дмитриевский соборы, церковь Покрова на Нерли, Боголюбово, фрески Рублева. Представляем беседу нашего корреспондента Т.А. Князевой с директором «Владспецреставрации» А.И. Скворцовым.

— В связи с тем, наше издание обращено к широкому кругу читателей, хотелось бы попросить вас рассказать об истоках реставрационного дела в России на примерах его развития на земле Владимирской.

— Реставрация — слово латинское. И означает оно восстановление архитектурных и художественных памятников в первоначальном или близком к нему виде. А если так, то вид этой деятельности относится еще к древним временам. В Западной Европе — к античности, а у нас в России — к средневековью. А поскольку Владимирская земля была колыбелью Московской Руси, то и восстанавливать раритеты прошлого московским князьям приходилось прежде всего в нашем крае. Приведу всего несколько примеров из XV века. Они говорят сами за себя. В 1408 году великий московский князь Василий I, проявляя заботу об Успенском соборе во Владимире, находившемся тогда в очень ветхом состоянии, посылает для поновления росписей в нем самых лучших своих художников — Андрея Рублева и Даниила Черного. Другой московский князь Иван III, внук Василия I, считая Русь преемницей Рима и Византии, с особым тщанием заботится о древних святынях Владимирской земли. Он посылает придворного архитектора Василия Ермолина восстанавливать разрушенные белокаменные постройки — в 1469 году Золотые ворота во Владимире, а в 1471 Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. А вскоре после этого во Владимире побывал итальянский архитектор Аристотель Фиораванти. Иван III пригласил его в Москву для постройки в Кремле Успенского собора, а за образец попросил взять одноименный храм XII века во Владимире.

Но и позже наши белокаменные памятники не оставались без внимания. Когда в 1767 году Екатерина II посетила во Владимире Успенский собор, она повелела «древность сего здания сохранить и поддержать наилучшим образом», выделив на это огромные средства. В 1834 году Владимир посетил император Николай I, после чего на Дмитриевском соборе начались работы по приведению его в «первобытный вид».

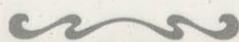
Ознакомление Государственной комиссии с ходом реставрационных работ на Успенском соборе во Владимире. Слева направо: художник-реставратор Д.П. Липин, директор Суздальского музея А.Д. Варганов, директор Владимирской реставрационной мастерской В.И. Бородин, художник-реставратор А.Т. Силин, художник-реставратор ЦГРМ В.О. Кириков, художник-реставратор А.П. Некрасов, доктор исторических наук О.И. Подобедова, академик И.Э. Грабарь, профессор В.Н. Лазарев, архитектор-реставратор П.Д. Барановский, архитектор-реставратор Владимирской реставрационной мастерской М.В. Рудько, профессор, художник-реставратор Н.П. Сычов, профессор Д.П. Сухов, архитектор В.И. Чембуров, архитектор-реставратор Владимирской реставрационной мастерской М.И. Красильников. Фото 1949 г. Публикуется впервые

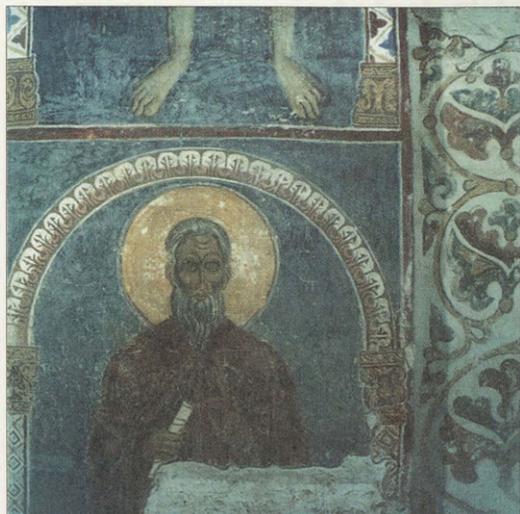

Художники-реставраторы Художественно-реставрационной мастерской Государственного предприятия «Владспецреставрация». 2000 г.

Немало для спасения памятников Владимирской земли сделала и передовая интеллигенция России. Здесь нельзя не упомянуть о деятельности Московского археологического общества, возглавляемого графом Алексеем Сергеевичем Уваровым (1824–1884), а после его смерти вдовой Прасковьей Сергеевной Уваровой (1840–1924). Без преувеличения можно сказать, что только усилиями этого Общества и лично самого А.С. Уварова

в те годы от неминуемой гибели был спасен белокаменный храм Покрова на Нерли XII века — жемчужина мировой архитектуры. Общество привлекало к работе с памятниками самых авторитетных специалистов страны. Именно оно осуществило в 1880-х годах первую на Владимирской земле научную реставрацию белокаменного Успенского собора XII века. Руководил всеми работами крупнейший знаток русской средневековой

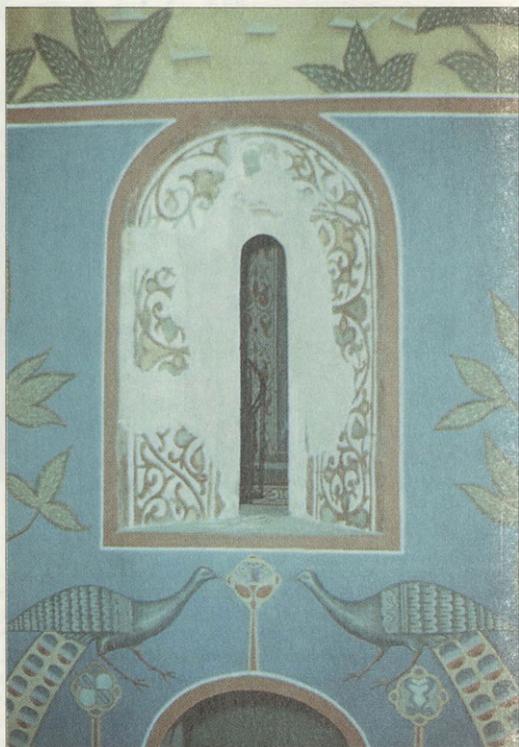

Рождественский собор в Суздале.
Неизвестный святой. Фрагмент фрески. 1233 г.

истории, директор Исторического музея в Москве Иван Егорович Забелин (1820–1908). Помощниками его были архитектор Н. Д. Коричкий и инженер И. О. Карабутов из Владимира, а из Москвы архитекторы Н. В. Никитин и А. М. Павлинов. Росписи восстанавливала артель палехских художников во главе с Н. М. Сафоновым. Так и рождалась в конце XIX века в тесном сообществе историков, архитекторов, инженеров, художников отечественная школа реставрации. В основу ее уже тогда был заложен коллективный опыт. Иначе быть и не может. Памятник многомерен. История подчас запутана и теряется в веках. Сколь бы ни был компетент тот или иной специалист, он не застрахован от ошибок. Реставрационная судьба памятника должна быть в надежных руках. Подделки здесь не приемлемы.

— *Вы считаете, что реставратор, приступая к работе, должен знать все, что происходило с памятником до него, было ли «поволение», восстановление, а порой и «достроение»? Но все это требует широты кругозора, знания истории, художественного чутья, понимания традиций, навыков ремесла. И вся многогранность, вы хотите сказать, составляет основу профессии реставратора?*

— **Б**ез поддержки и развития традиций и передачи навыков ремесла из одних рук в другие реставрационное дело невозможно. Этому нельзя научиться по книгам. Только живой опыт и непосредственное общение на объекте с мастерами могут сформировать реставратора в хорошего специалиста. Не случайно, что само реставрационное

Вновь открытая живопись в Успенском соборе
во Владимире. 1165 г.

образование в вузах появилось сравнительно недавно. Но и оканчивая учебное заведение, специалист не всегда способен руководить реставрационным процессом на памятнике. Для этого, кроме, конечно, любви к делу, необходимо еще особое историческое архитектурное или художественное чутье, то есть способность улавливать тончайшее движение чувств и мыслей того или иного автора произведения. Любой памятник живет не только во времени, но и в мире эмоциональных образов, которые питают это время.

Стереотипа в памятниках нет. Они насыщены конкретной жизнью, каждый раз усложняющей и обогащающей их вид и содержание. Вот почему многие прекрасные реставраторы, работавшие на Владимирской земле, были не столько «чистыми» архитекторами или художниками, сколько специалистами особого обобщающего склада. Мы уже упомянули историка Ивана Егоровича Забелина, работавшего в конце XIX века над реставрацией Успенского собора XII века во Владимире. В XX веке, в 30–60-х годах, в Суздале широко развернулась реставрационная работа на памятниках архитектуры археолога Алексея Дмитриевича Варганова (1905–1977). Сегодняшний вид очаровательного ансамбля суздальского Кремля практически всецело обязан ему. После Великой Отечественной войны усилиями инженера-конструктора Александра Васильевича Сто-

летова было проведено инженерное укрепление белокаменных построек XII века, обеспечившее их сохранность.

Когда в 1945 году во Владимире была образована Специальная проектно-реставрационная мастерская, то сектор монументальной живописи возглавил искусствовед, крупный ученый в области древнерусского искусства, профессор Николай Петрович Сычев (1883–1964). Большие объемы намечаемых тогда работ по памятникам искусства требовали их оперативного выполнения ввиду аварийного состояния большинства из них. Но специалистов не было. И тогда Н.П. Сычев оперативно решает эту проблему путем подготовки художников-реставраторов во Владимирском художественно-ремесленном училище. Он сам занимается с учащимися. В 1948 году, когда в училище состоялся первый выпуск художников-реставраторов, Н.П. Сычев почти в полном составе взял их в возглавляемый им сектор живописи. Они составили первую бригаду, положившую начало самостоятельной школе владимирской реставрации. Это были А.П. Некрасов, А.Т. Силин, Д.П. Липин, А.М. Смирнов, Н.Г. Пуцилло. Затем к ним присоединились И.В. Фильберт (Модестова), А.В. Васильев, Л.И. Шканова, З.Е. Гришанова и другие. Теперь судьба художественного наследия оказалась в надежных руках.

Большую помощь оказывал и Научно-методический совет по охране памятников культуры при президиуме Академии наук СССР. Его возглавлял выдающийся искусствовед и художник, талантливый организатор, академик И.Э. Грабарь, сумевший сплотить вокруг себя целую плеяду видных деятелей науки и культуры. Из Москвы во Владимир постоянно приезжали крупнейшие специалисты. В их числе сам И.Э. Грабарь, архитекторы П.Д. Барановский, В.В. Косточкин, В.И. Шквариков, В.И. Смирнов, Б.П. Сухов, искусствоведы В.Н. Лазарев, М.А. Ильин, Н.Н. Померанцев, художники-реставраторы В.О. Кириков, Д.Е. Брягин, С.С. Чураков, М.Н. Тихомиров.

Особый вклад в научный потенциал владимирской реставрации внесли крупнейшие исследователи белокаменного зодчества Николай Николаевич Воронин и Георгий Карлович Вагнер. Их капитальные труды обеспечили достоверность многих реставрационных решений.

В 1967 году Постановление Совета Министров РСФСР «О создании туристского центра в Суздале» придало новый, более широкий импульс реставрации памятников архитектуры и искусства на Владимирской земле. За осуществление восстановительных работ во Владимире и Суздале группа реставраторов и музейных работников стала лауреатами Государственной премии России.

— Вы знаете многих известных реставраторов, которые заботились о сохранении древних памятников на Владимирщине. А как бы вы сформулировали основное правило реставратора, с которым он должен подходить к работе?

— Основная заповедь реставратора — не навреди памятнику. Труд реставратора очень ответственен. Неверный шаг может привести к искажению архитектурного или художественного образа произведения — это в лучшем случае. В худшем — к порче памятника или к его гибели. Современные физические и химические методы, используемые в реставрации, требуют тщательных предварительных испытаний. Нельзя применять современные материалы, не убедившись в их обратимости. И нельзя раскрывать памятник полностью от наслоений, не убедившись в степени его сохранности. А как быть с самими этими наслоениями, если они представляют самостоятельную историческую ценность. И на какое время раскрывать памятник, если у него несколько интересных периодов жизни. Вопросов почти всегда много.

Мы говорим сейчас о нашем времени. Оно как бы спрессовало исторический опыт работы с памятниками. Но истоки столь бережного отношения к наследию искать следует в глубине веков. Для нас, например, образцом подражания всегда останется Андрей Рублев, чья волшебная кисть в Успенском соборе во Владимире очаровывает до сих пор. Когда он в 1408 году приехал сюда с Даниилом Черным, храм стоял в полном запустении. Татары разграбили его и сожгли. Живопись пострадала больше всего. И, казалось, лучшим решением было бы сбить старую штукатурку и расписать все заново. Каково же было наше изумление, когда в 1970-е годы, реставрируя храм, мы стали обнаруживать в разных местах остатки фресок от времени Андрея Боголюбского — строителя первоначального собора, от времени Всеволода III, перестроившего храм в 1189 году, и даже фрагменты 1237 года, когда храм еще раз поновлялся. Все, что можно было, художники сохранили. Даже за иконостасом, расписывая пилоны, они укрепили старую живопись и дополнили разрушенные места. Но творили совершенно в своем духе, не занимаясь подделкой под старое. Делали практически все так же, как и сейчас: новую живопись подвели под старую, сохранив лишь общее композиционное построение — орнамент стыковался с орнаментом, как и сюжетные изображения.

У великого творца оказалось великое чувство уважения к деяниям своих предше-

ственников. Сохранить память о прошлом всеми доступными средствами, не навредить старине было внутренней потребностью гения. Это говорит о чистоте его помыслов и красоте поступков, а в конечном итоге о духовном совершенстве и художественной гармонии творчества.

Заканчивая работу в храме и окидывая последним взором свой труд, художник, словно впервые осознавая величие совершенного, решительно начертил легкой скорописью по еще свежей штукатурке свое краткое и потрясающее по силе выражения послание потомкам: «*На сем месте добро сотворите*». Это ли не завещание на века, звучащее как клятва перед вечностью истории.

— *Александр Игнатъевич, это послание Рублева, как мне кажется, еще неизвестно широкой аудитории. Или я ошибаюсь? Может быть, мы будем первыми публикаторами обращения великого художника к потомкам: «На сем месте добро сотворите».*

— Именно так. Пока послание было известно только специалистам.

— *Спасибо. Редакции очень повезло, такая публикация сделает честь любому журналу.*

Уверена, заповедь Рублева отныне всегда будет вдохновлять реставраторов, как вдохновила к успехам и ваш коллектив.

В связи с этим нашему читателю было бы интересно узнать о рождении вашего предприятия, такого юного по возрасту (десять лет), но уже зарекомендовавшего себя зрелым по опыту работы?

— 1990 год оказался переломным и для реставрации. Стали проявляться симптомы надвигающегося кризиса. Резко сокращалось финансирование памятников.

Юбилейная художественно-реставрационная выставка «Владспецреставрации». 1997 г..

А вместе с падением объемов восстановительных работ вставал вопрос о сокращении специалистов и о судьбе реставрации в целом.

Вспоминая те годы, совершенно ясно ощущаю, что тогдашние руководители «Владмирреставрации» полностью находились в эйфории. Достигнутые некогда успехи располагали к самоуспокоенности, а громкая слава продолжала питать надежду, что все пройдет само собой. Не прошло. Грянула приватизация, а за ней акционирование. И в руководстве предприятия оказались люди, весьма далекие от реставрации. Это внешняя канва развивавшихся событий.

Представляется, что еще более серьезными были внутренние противоречия. Роковой шаг был сделан в 1986 году, когда небольшая, но крепко скроенная научно-производственная мастерская была реорганизована в сложное и многоплановое по структуре управление. Анатолий Макарович Роцин, возглавлявший до того мастерскую, всегда чутко улавливал баланс реальных возможностей организации и равнодействие между количеством объемов и качеством работ. Это был действительно золотой век владимирской реставрации. Ведь все основное было сделано именно тогда — в 1960–1970-е годы. Организационная реформа, проведенная в последующем, привела к ослаблению подразделений и к их неуправляемости. Больше того, произошел разрыв в соотношении научно-проектных и производственных сил. Грандиозные и явно утопические затеи по реконструкции исторических городов области, по созданию в Боголюбове Центра перспективных проблем советской архитектуры отодвигали задачи классической реставрации. Практицизм производственной сферы полностью поглотил интересы научной реставрации. Прораб стал основным действующим лицом. Научное руководство объектами реставрации практически сошло на нет.

Пришло ясное сознание, что пути должны каким-то образом разойтись. На базе творческого коллектива сформировалось самостоятельное государственное научно-производственное предприятие «Владспецреставрация» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— *Интересно, Александр Игнатъевич, есть ли какие-то определенные приоритеты, которым следует мастерская и вы, как ее руководитель?*

— Нет особой нужды утверждать, что культурное наследие и сегодня очень остро нуждается в сохранении. А тогда, в начале 1990-х годов, когда произошло наше самоопределение, состояние с охраной было просто катастрофическим. На фоне общего беднежья ситуация с реставрацией памят-

ников казалась совсем удручающей. Состояние даже тех памятников, которые были уже под охраной ЮНЕСКО, вызывало огромную тревогу. В любой момент мог рухнуть Рождественский собор в Суздале, во Владимире на грани исчезновения была изумительная белокаменная резьба Дмитриевского собора, быстро прогрессирует процесс разрушения фресок гениального Андрея Рублева в Успенском соборе. Музеи и библиотеки, не имея средств на реставрацию, не могли восстановить самое необходимое для экспозиций и фондов.

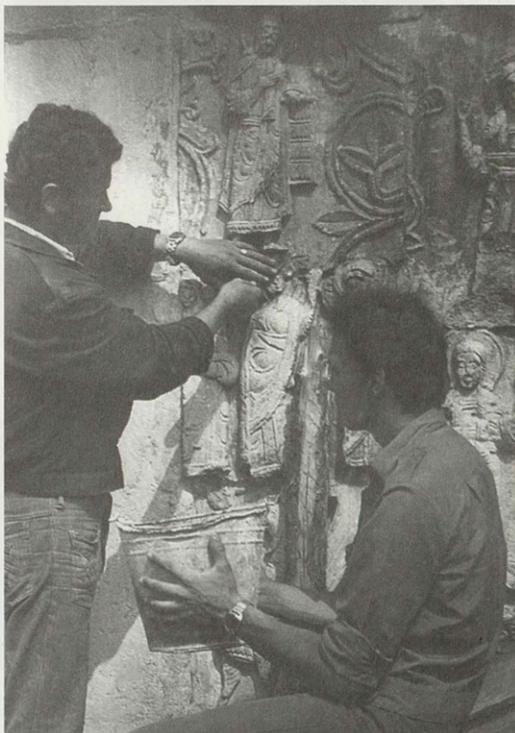
В такой обстановке, естественно, возникал вопрос о том, с кем остаются реставраторы. Тогда ведь многие на грани безысходности меняли свою профессию или уезжали на более легкие деньги в столицу. Мучительно терзал вопрос: что делать? Требовалось окончательно определить и сохранить направленность работ. А для этого сосредоточить усилия на самых узловых моментах.

Совершенно ясно было только одно: мы работаем в культуре и для культуры. Другого пути для нас не могло быть. Но в области находилось более трех тысяч памятников. Приходилось сужать их круг, а в поле зрения оставлять самые значительные. Нельзя было без профессиональной помощи оставить белокаменные храмы. Работали с верой, что время изменится и можно будет вернуться к крупным восстановительным делам. А пока из-за недостатка средств проводить приходилось лишь консервационные работы. На монументальной живописи и белом камне постоянно возникали аварийные ситуации. Срочно требовалась реставрационная помощь. Особенно это касалось белого камня. Резьба Дмитриевского собора продолжала активно разрушаться. Необходима была новая методика ее укрепления. Привлекли самых известных специалистов. Был 1994 год. Собрали все возможные средства и провели более детальное исследование. Все подтвердилось: требуется срочное вмешательство. Но денег как не было, так и нет. Кому только не писали — в областную администрацию, в Госдуму, в Министерство культуры, в Правительство, Президенту.

А тем временем зрела мысль создать в структуре предприятия специальную службу спасения белого камня. Воспользовались малым. Министерство культуры стало объявлять конкурсы на гранты Президента в целях поддержки перспективных проектов общенационального значения. Деньги были небольшие, но что-то удавалось сделать. Как правило, разрушение можно предупредить, если вовремя принять соответствующие меры — починить протекающую кровлю, установить исчезнувшую водосточную трубу, ликвидировать на камне разрастающиеся колонии лишайников и мхов, очистить фасад от поверхностных загрязнений. И масса

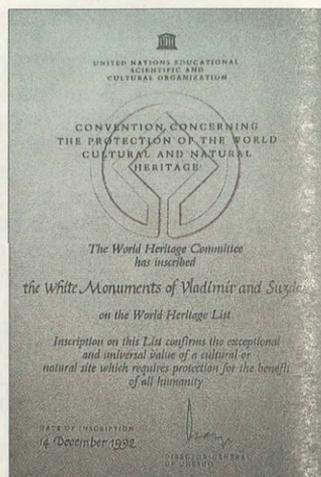
Дмитриевский собор во Владимире. XII в.
Храм в процессе реставрации

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. 1234 г.
Художники за реставрацией белокаменной
резьбы

Сотрудники «Владспецреставрации», подготовившие научную документацию для включения памятников Владимира и Суздаля в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Слева-направо: М. С. Гладкая, А. И. Скворцов, Н. Н. Демьянов, В. И. Михалкин

Диплом XVI сессии Комитета Всемирного наследия при ЮНЕСКО. 1992 г.

других каждодневных вопросов. Былая практика сводилась обычно к глобальным многолетним реставрациям. Между прежней и последующей проходило не одно десятилетие. Поэтому памятник, надолго оставленный без внимания, приходил в состояние, близкое к аварийному. Хоть какой-то стабилизации в этом добиться было практически невозможно.

Переломным был 1999 год. Владимиро-Суздальский музей-заповедник, в ведении которого находятся многие блококаменные памятники, обрел статус «особо ценного» и перешел в федеральное подчинение. Первоочередной задачей стало сохранить шедевры мирового значения. Сегодня Дмитриевский собор и Золотые ворота во Владимире, храм Рождества Богородицы и Архиерейские палаты в Суздале — самые горячие реставрационные объекты музея.

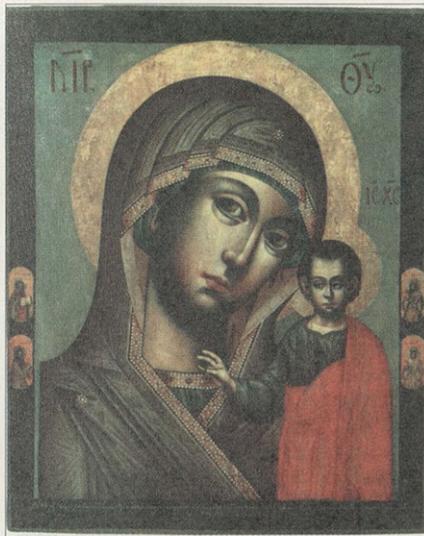
Другим ведущим направлением в архитектурной реставрации стали для нас памятники, которые приспособлялись под учреждения культуры. Вот уж, действительно, святое дело. Какую неподдельную радость ощущаешь от того, что в каком-то разрушенном здании возникает очаг просветительства. Будь-то картинная галерея или выставочный зал, как в Муроме (ул. Первомайская, 6 и ул. Московская, 13), или Центр фольклора и Центр современного изобразительного искусства, как во Владимире (ул. Георгиевская, 2-Б и ул. Б. Московская, 24), или Художественный музей, как в Александрове (ул. Советская, 16). Прекрасные особняки начинают новую жизнь. Это тоже часть наших замыслов и приоритетов.

Изменился подход и к реставрации музейных фондов. Созрела необходимость восстанавливать произведения комплексно в соот-

ветствии с тематикой будущих выставок и экспозиций, требующих оперативного обновления. После реставрации произведения сразу занимают место во вновь формируемых экспозициях. Тем самым реставратор как бы включен в сам процесс музейной деятельности. Примером такой удачной совместной работы стала экспозиция и сам интерьер картинной галереи в Муроме, выставки местной иконописи во Мстере и Гороховце, русского дворянского портрета XVIII–XIX веков в Вязниках, творчества местных художников-передвижников XIX — начала XX веков в Александрове, экспозиция холодного и огнестрельного оружия в Коврове.

Совершенно новым для нас делом была реставрация памятников на бумажных носителях из библиотечных и музейных фондов. При содействии Министерства культуры России и областного Комитета по культуре в 1995 году мы создали на нашей базе региональный Центр реставрации редких книг и документов. Совместно с областной научной библиотекой им. А.М. Горького были найдены эффективные пути сохранения книжных раритетов. Сегодня реставрацию прошли сотни древних рукописных и старопечатных памятников. Одни из них спасены от неминуемой гибели, другие от дальнейшего разрушения. Но те и другие заняли свои места в библиотечной и музейной жизни, чтобы служить новым поколениям читателей. Самые древние из них относятся к XV–XVI векам, самые поздние — к XVIII–XIX векам. Но книги быстро стареют, находясь в обращении. Поэтому все чаще в руки реставраторов попадают и редкие издания XX века, теперь уже ушедшего в историю.

Отделение реставрации бумаги рождалось трудно, начинали буквально на пустом

Богоматерь Казанская. 1724 г.
До и после реставрации. Художник-реставратор А. П. Некрасов. 1998 г.

Неизвестный художник. XVIII в.
Портрет князя Ромодановского.
Реставратор О. А. Безмельницина

Неизвестный художник.
Портрет княгини Голицыной.
Реставратор О. М. Ревин. 1999 г.

Художник-реставратор масляной живописи О. М. Ревин за работой

месте. Была учеба в Москве у ведущих специалистов Российской государственной библиотеки. Освоены были сложнейшие операции по расслоению бумаги, удалению разнохарактерных пятен и загрязнений, изготовлению «мраморной» бумаги, кожаных переплетов и книжной фурнитуры.

Конечно, без хорошей производственной базы достичь всего этого было бы невозможно. В ее создании принял активное участие Институт «Открытое общество» (Международный Фонд Сороса).

Но потребности наши постоянно развиваются. Ставятся новые задачи. Сейчас родилась идея создать специальную «службу быстрого реагирования», оснащенную всем необходимым современным оборудованием. В чрезвычайных ситуациях она способна принять экстренные меры к спасению уникального культурного наследия в пределах всего центрального региона России. Наши приоритеты рождает сама жизнь. Поэтому у них постоянное обновление.

— Не могли бы вы привести конкретные примеры действий вашего коллектива, такие, чтобы была наглядна результативность работы?

— Вспоминаю о том, как мы пришли в начале 1990-х годов к тому, чтобы включить наши белокаменные памятники в состав объектов мировой культуры, следует, думаю, отметить одно основное обстоятельство, которое способствовало этому. Это само состояние белокаменных храмов, которое становилось угрожающим. Нет, разваливались не их конструкции. Они как раз наделены сверхпрочностью. Во всяком случае, некоторые. Скажем, Дмитриевский собор стянут внутри стен могучим поясом железобетонных связей. Но как раз этот храм и вызывал наибольшую тревогу. На наших глазах изумительная скульптура превращалась в тлен. Ее материальная оболочка таяла как сахар в воде, незаметно, но быстро, оставляя от камня призрачное очертание. Что произошло? Почему? Возникла масса вопросов. После последней реставрации прошло всего чуть более десяти лет. Или проявилась агрессия атмосферы и среды в целом, или были допущены какие-то серьезные ошибки в реставрации? Думается, что то и другое. Но тогда разобраться в подробностях было некогда. Время буквально было на вес золота. Дорог был каждый день. Только в аркатурно-колончатом поясе Дмитриевского собора невооруженным глазом мы насчитали около пятидесяти рельефов, полностью исчезнувших. Было видно, что другие рельефы тоже на подходе к этому. Состояние на других памятниках тоже было не лучше. Было ясно, что белый камень смертельно болен. Бить в

набат пришлось само собой. Но необходимых средств, чтобы поставить хотя бы диагноз болезни, ни у кого не находилось. Страна сама была на грани катастрофы. До памятников ли! Вот тут и вспомнилось, что еще совсем недавно, когда началась «перестройка», и были более благополучные годы, наша страна, тогда еще СССР, присоединилась к Конвенции об охране всемирного культурного наследия. Это был 1988 год. Хотя сама Конвенция была принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО еще в 1972 году. Как утопающий хватается за соломинку, так и мы увидели в этом последнюю надежду.

Подобного рода вопросами занималось тогда союзное Министерство культуры. Главное управление по охране памятников возглавлял Алексей Ильич Комеч, хорошо мне знакомый еще с учебы в Московском университете. Специалист высочайшего уровня и широчайших познаний, он хорошо осознавал, что России просто необходим прорыв в мировое культурное пространство. Он первый поднял вопрос о включении самых выдающихся памятников нашей страны в список Всемирного культурного наследия. Он уже работал тогда над этим со всей присущей ему энергией и настойчивостью. Быть может, наша затея и не состоялась бы, если б не постоянная помощь и поддержка Комеча. Понимание это нашло и на месте, в наших органах культуры. Организационные вопросы решались Госцентром по охране и использованию памятников. Начались поездки в Министерство, консультации с ведущими специалистами. Для того, чтобы выйти в ЮНЕСКО со своими предложениями нужна была соответствующая документация: многостраничный трактат о выставляемых кандидатурах, подробнейшие обмерные чертежи, генпланы, ситуационные планы, планы охранных зон и территорий и многое другое. Ко всему этому прикладывалась подробнейшая цветная фотофиксация памятников и прилегающей среды. Необходимо была даже аэрофотосъемка. Это сейчас на каждом углу фотомагазина с суперсовременной цветной пленкой. И вертолеты свободно арендуются по коммерческой цене. А тогда со всем этим были труднейшие проблемы. Вся текстовая часть готовилась на двух языках: русском и английском. Уровень, как понимаете, должен был быть мировым. Ничего подобного мы еще не делали. Сталкивались с этим впервые. Правда, в 1990 году ЮНЕСКО включило в список Всемирного наследия два объекта культуры нашей страны: Московский Кремль с Красной площадью и исторический центр Санкт-Петербурга с дворцово-парковыми ансамблями пригородов. Что могли — заимствовали.

Авторский коллектив подобрался на редкость творческим. Работали слаженно, самозабвенно, с упоением. Нас было четве-

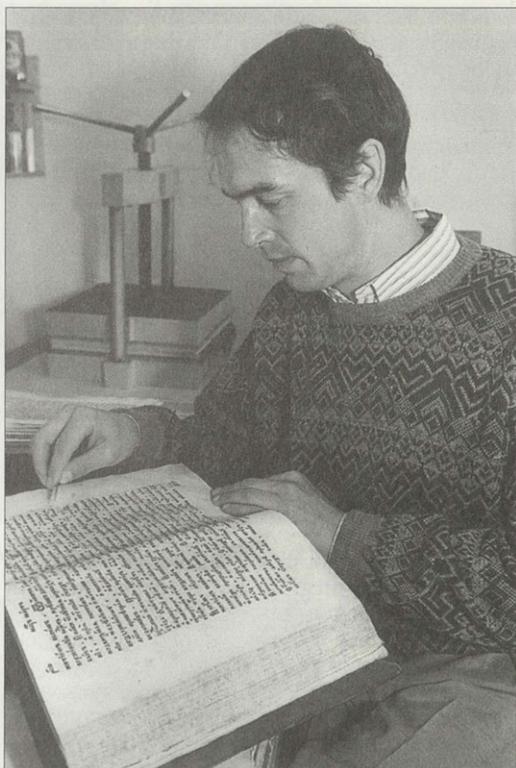
ро: я, взявший на себя труд возглавить весь процесс, Магдалина Сергеевна Гладкая и Владимир Иванович Михалкин — опытные исследователи памятников архитектуры и Никита Николаевич Демьянов — архитектор, сделавший на очень высоком уровне большую часть всех графических работ. Сроки выполнения были крайне сжатыми — меньше года, работать приходилось по ночам. Вспоминаю, как необычайно трудно было всего в нескольких фразах сформулировать суть всей работы и дать обоснование для включения памятников в мировое культурное наследие. Доходить приходилось до тончайших сентенций. Более краткого и более емкого определения уже не могло и быть.

В конце 1991 года мы, наконец, все сдали в Министерство культуры СССР, предварительно исполнив все требования Министерства иностранных дел, которое оформляло все дальнейшие международные процедуры. А затем почти год беспокойного ожидания. Ловили каждую весть о работе ЮНЕСКО. Судьба наших памятников была в его руках. И вот, наконец, долгожданное и сенсационное. Решением XVI сессии Комитета ЮНЕСКО, работавшего в городе Санта-Фе в США с 6 по 14 декабря 1992 года самые выдающиеся памятники Владимирской земли были включены в список Всемирного культурного наследия. Вот они: Золотые ворота, Успенский и Дмитриевский соборы XII века во Владимире, церковь Покрова на Нерли и лестничная башня палат Андрея Боголюбского XII века в Боголюбове, церковь Бориса и Глеба XII века в селе Кидекша, а в Суздале собор Рождества Богородицы XIII века и архиерейские палаты XVI века в Кремле и два архитектурных ансамбля XVI века — Покровский и Спасо-Евфимиев монастыри.

Теперь это наша законная гордость. И еще более проникаешься ею, ощущая свою причастность ко всем делам, предшествовавшим этому радостному событию. За большой вклад, внесенный в сохранение памятников архитектуры, коллектив предприятия «Владспецреставрация» был отмечен Почетной грамотой администрации Владимирской области. Это было приятно. Отмечен ответственный труд. Правда, приходится сожалеть, что в блестящую плеяду белокаменных памятников не попали Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залеском (Ярославская область, 1152) и Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (Владимирская область, 1230–1234). Разные территории и отдаленность памятников от Владимира и Суздаля не позволили тогда решить эту проблему. Но времена меняются. Ошибку необходимо исправить и восстановить историческую справедливость.

«Апостол» возвращается к жизни

Художник-реставратор Алексей Евстифеев за восстановлением рукописной книги «Апостол». XVI в.

И еще один маленький пример работы наших реставраторов — в Греции на Афоне. В 1996 году Московская патриархия пригласила нашу мастерскую участвовать в восстановлении памятников Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне. Это воспринято было мною как признание самого высокого профессионального уровня наших специалистов. В письме говорилось, что богоугодный

труд мастеров «послужит чести и авторитету владимирской реставрационной школы».

В течение нескольких лет на Афон выезжали художники — Владимир Некрасов, Андрей Орехов, Сергей Шиганов. Они восстановили росписи храмов святого Пантелеймона и Покрова Богородицы с их резными иконостасами. А книжные реставраторы Алексей Евстифеев и Владимир Михалкин занимались восстановлением уникальной монастырской библиотеки. В ее фондах находятся памятники, относящиеся еще к первым векам христианства. В специально обустроенной газовой камере была проведена полная дезинсекция всего книжного фонда. По предложенному нашими специалистами немецкому проекту «Сотрактус» заново было переоборудовано помещение фондохранилища библиотеки. Оно получило самое современное оснащение. Разработан и научно систематизирован каталог. По наиболее аварийным книгам проведена консервация и реставрация. Труд большой и благородный. Сохранены великие культурные ценности.

В своем благодарственном послании во «Владспецреставрацию» игумен монастыря архимандрит Иеремия написал: «Выражая Вам свою искреннюю благодарность, просим Вашего содействия и надеемся на дальнейшее продолжение работ». Конечно, такая оценка не оставляет мастеров равнодушными.

— Эти примеры, на мой взгляд, просто героические. Замечательные люди у вас работают. В вашем коллективе есть такой превосходный мастер — реставратор фресок Александр Петрович Некрасов. Раскрытие фресок Андрея Рублева в Успенском соборе, как известно, его достижение. Расскажите о нем.

— Вся моя работа в реставрации прошла рядом с ним. За долгие годы общения он раскрывался мне в самых неожиданных ракурсах. И все же самое первое и основное, что хочется отметить в складе его характера и ума, так это невероятную цельность натуры. Работа, которой он занимается более полувека, не терпит суеты. Быть может, поэтому мелочей для него никогда не существовало. Он и видит все сразу в целом. Поэтому начало любой работы определяется ее концом. Он и здесь не лишен чувства обобщения. А цементирует все это глубочайшая преданность делу, которому он служит всю жизнь.

Все это сказано мною об Александре Петровиче Некрасове — самом интересном и самом талантливом реставраторе нашего коллектива. Он на пятнадцать лет старше меня, но мы всегда были единомышленниками во взглядах. Это сближало нас. Поэтому мы всегда находили друг у друга поддержку.

Я не преминул, конечно, воспользоваться

представившейся мне возможностью рассказать об этом человеке подробнее, даже с неким налетом биографичности. Мне хотелось, чтобы прозвучали и не забылись основные вехи его интересной жизни.

Если говорить о его творчестве, то судьба Александра Петровича определилась в этом отношении рано и была счастливой. В 1945 году, сразу после войны, в восемнадцать лет он поступает на отделение реставрации Владимирского художественного училища. Там впервые и пробуждается его огромный, доходящий до самозабвения, интерес к бесценным творениям живописи древнерусских мастеров.

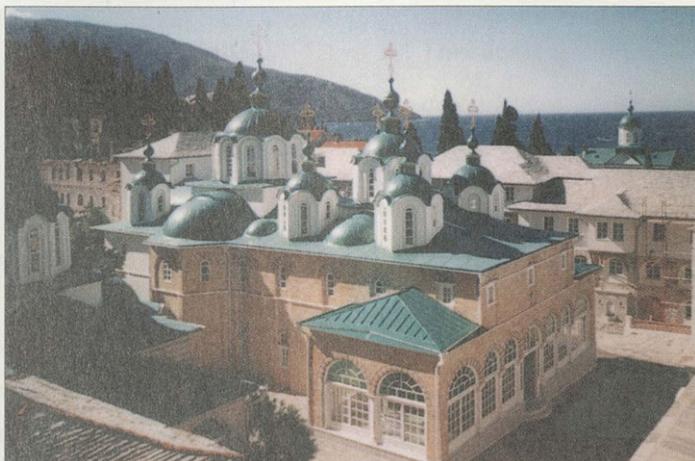
Определяющее влияние на формирование личности начинающего художника оказал профессор Николай Петрович Сычев. Это был выдающийся ученый и реставратор. Как и многие другие, он был выслан из столицы и волею судеб оказался в сороковые годы в провинциальном Владимире. Он увидел в своем ученике редкий дар находить в погасшей красках звонкую и чистую красоту природной охры, киновари, лазури, а в потемневших ликах узреть образцы духовного совершенства человека.

Пятнадцать лет учитель и ученик работали вместе бок о бок. От учителя ученик набирался опыта, который нельзя было постигнуть умозрительно, а можно было получить только на строительных лесах. Учителя же в ученике привлекала неумность энергии, юношеская влюбленность в дело, романтическая приподнятость, превращавшая обычный трудовой день в первый день творения. Тогда ими вместе были сохранены живописные работы величайших мастеров средневековья — византийские фрески XII века в Дмитриевском соборе и росписи 1408 года Андрея Рублева и Даниила Черного в Успенском соборе Владимира.

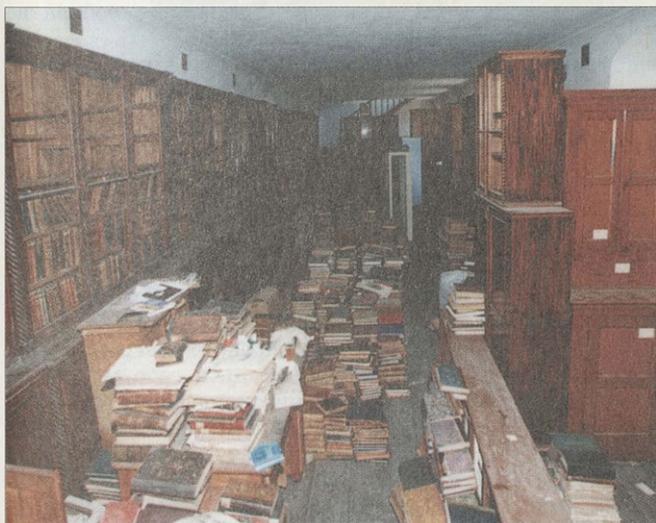
Это была классика Древней Руси. Она учила и обязывала быть предельно вдумчивым, осторожным, терпеливым. Впитывая секреты древнего мастерства, приобретая опыт у ведущих мастеров страны, Некрасов вырос в крупнейшего реставратора России. Его приглашали на многие объекты. Он много лет работал со своим учителем Николаем Петровичем в Москве, на памятниках Кремля и в соборе Василия Блаженного. На фресках Андрея Рублева в Успенском соборе Звенигорода под Москвой судьба его свела с тончайшим знатоком отечественной реставрации Виктором Васильевичем Филатовым. Ему доверили реставрацию росписей античного склепа в Анапе.

В 1966 году он формирует вокруг себя во Владимире коллектив талантливых художников и проводит смелые по тому времени эксперименты по совершенствованию методов отечественной реставрации монументальной живописи и внедрению в практику работ новых синтетических материалов.

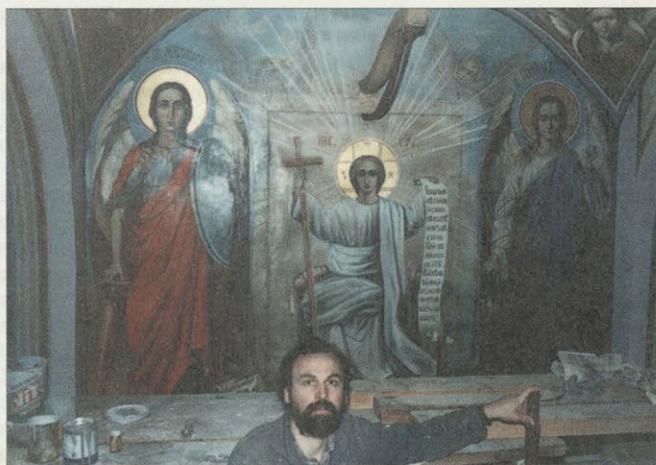

Афон. Греция. Русский Свято-Пантелеймонов монастырь

Библиотека Свято-Пантелеймонова монастыря до и после реконструкции

Художник-реставратор В. Некрасов за восстановлением росписей храма Святого Пантелеймона на Афоне в Греции. 1999 г.

Только благодаря этому десятки памятников настенной живописи были спасены им от полного разрушения.

И сейчас технические поиски сопряжены у него с творческими задачами. Создание единого образа в ансамблевом искусстве — процесс сложный, а в реставрации достигается особенно трудно. Он блестяще с этим справляется. Предельно проявляя такт и чутье при вторжении в мир образов давно ушедших эпох, он не подменяет собою Рублева или Гурия Никитина, а делает все возможное, чтобы те предстали во всем блеске своего собственного таланта.

Как пытливому и внимательному реставратору, ему постоянно сопутствует успех. Блестящие сенсационные открытия сделаны им на таких белокаменных памятниках, как Успенский собор и Золотые ворота во Владимире, церковь Покрова на Нерли и храм Бориса и Глеба в Кидекше, Рождественский и Спасо-Преображенский соборы в Суздале. Творческое вдохновение всегда соседствует в его работе с научной скрупулезностью и осмыслением накопленного опыта. Это вылилось в многочисленные публикации. А монография «Материалы и методы реставрации монументальной живописи» (1997) стала прекрасным практическим пособием.

Владимир и Суздаль в его делах всегда занимали ведущее место. Здесь сосредоточены наиболее выдающиеся памятники. Грандиозные живописные ансамбли Княгинина монастыря во Владимире, Рождественского собора в Кремле и Преображенского собора Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале поражают не только своей масштабностью, но и невероятной сложностью решаемых здесь задач. Тем более удивительно, что Александр Петрович с огромным увлечением и упорством продолжает заниматься ими. Без преувеличения можно сказать, что подчас только ему удается справиться со стихией времени, превращающей красочное богатство живописи в тлен. Пожалуй, именно на этих памятниках им была создана прекрасная школа реставрации. Щедро и бескорыстно передает он своим ученикам богатейший творческий опыт. В этом надо видеть залог преемственности уникального мастерства.

Фрески на стенах храмов и бесчисленные иконы в музейных собраниях, спасенные его руками, радуют зрителя и наполняют его чувством восхищения перед красотой, раскрытой реставратором. Это является для большого Мастера высшей оценкой его творчества.

— Что помогает вашему коллективу и вам лично в работе, вернее, что вдохновляет мастеров реставрационного дела?

— На этот вопрос я бы ответил: радость Открытий. За этой короткой фразой стоит немало трудов. Прежде всего скажу о значительных творческих достижениях по реставрации произведений станковой темперной живописи.

В результате произведенных работ значительно пополнилась история искусства не только местного края, но и всей России, стало возможным говорить о ярких и самобытных чертах суздальской и мстерской художественных школ.

Особенно значителен вклад реставраторов в восстановление ансамблей иконостасов XVII—XVIII веков. Огромные многоярусные сооружения представляют собой не только органический сплав архитектуры и многих видов искусства, но и настоящую энциклопедию, в которой отражена художественная история эпохи. Восстановлен грандиозный иконостас Успенского собора во Владимире.

Раскрытие многочисленных икон XVIII столетия установило, наконец, их подлинное авторство в лице талантливых мастеров владимирского архиерейского дома Михаила Матвеева и Якова Серегина.

Другой масштабной работой является реставрация иконостаса XVII века в Рождественском соборе Суздальского кремля. Начатая еще в конце шестидесятых годов, она продолжается и сегодня. Открыты первоклассные иконы конца XVII века, близкие по стилю к письму царского изографа Симона Ушакова. Они обрели и свое авторство. Самые лучшие из них написаны московскими учениками и последователями Симона Ушакова Георгием Зиновьевым и Артемием Катунцом.

В последние годы усилия реставраторов направлены на выведение из аварийного состояния и раскрытие икон из иконостаса Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Уже сейчас, когда из 58 произведений раскрыто 24, можно с уверенностью сказать, что весь живописный ансамбль представляет собой редкий по самобытности и художественной цельности образец провинциальной живописи XVIII века, выполненной одной артелью талантливых мастеров.

Активная реставрационная деятельность осуществляется также и по произведениям станковой масляной живописи. Под руководством опытного художника-реставратора О.М. Ревина проведены сложные восстановительные работы по многим произведениям русской и западноевропейской живописи XVIII—XX веков из музейных собраний области. Большой интерес представили после реставрации парадные портреты князя Ю.Ф. Ромодановского, графов Головкина, Тутолмина, братьев П.И. и И.И. Паниных из собрания Вязниковского историко-художествен-

Фрагмент иконостаса в Успенском соборе во Владимире. XVIII в.
После реставрации

ного музея. Они происходят из усадебной галереи Воронцовых-Дашковых в селе Андреевском. Реставрация в полной мере раскрыла художественные достоинства этих произведений, созданных талантливыми крепостными мастерами в подражание известным придворным портретистам Ф. Рокотову, Д. Левицкому, В. Боровиковскому.

Прекрасным дополнением к истории развития русской портретной живописи стали вновь раскрытые портреты князей Четвертинского и Нарышкина начала XIX века из Муромского историко-художественного музея. Большим событием последних лет стало раскрытие во «Владспецреставрации» целой серии купеческих портретов, происходящих из муромского музея.

Руками реставраторов буквально из руин восстановлены превосходные произведения местных мастеров-самоучек.

Среди произведений западноевропейской живописи, раскрытых в последнее время, самый большой интерес представляла сложная реставрация картины неизвестного художника «Христос и грешница». Раскрытие полотна А.П. Некрасовым, выявившее особенности манеры письма художника, дает возможность предварительно отнести его к итальянской школе, а точнее к неаполитанской, и приписать авторство Луке

Джордано (1632–1705), последователю знаменитого М. Караваджо и не менее известного Х. Риберы. После более детального исследования картина может быть атрибутирована точнее. Хотелось бы верить в ее подлинность.

За десять прошедших лет самостоятельной деятельности владимирскими реставраторами спасены от неминуемой гибели сотни памятников искусства. Сегодня они радуют глаз и наполняют восторженным чувством наших современников. Они продолжают жить. А это самое главное.

— Третья областная реставрационная выставка «Великое наследие», посвященная десятилетию творческой деятельности вашего предприятия по восстановлению памятников истории и культуры Владимирской земли, состоявшаяся на рубеже 2001–2002 годов, действительно поразила зрительское воображение масштабностью реставрационных работ. Пожалуй, таких выставок во Владимире еще не было. Как вам удалось это осуществить?

Жизнь показала, что плоды труда реставраторов лучше всего видятся на выставках. И мы решили каждые три года устраивать смотр сделанного. Он

важен не только для зрителя, но и для нас самих. Яснее видится сделанное.

Первую выставку мы организовали у себя, в небольшом выставочном зале в 1994 году. Показали в основном темперную и масляную живопись из фондов музеев области. Для второй выставки, которая проходила в 1997-м, огромный выставочный зал нам предоставил Владимиро-Суздальский музей-заповедник, за что мы очень признательны ему. Удалось значительно расширить экспозицию. Мы включили в нее реставрацию произведений декоративно-прикладного искусства: художественный металл, скульптуру и резьбу по дереву, мебель. Впервые мы тогда представили и работу нашего Центра реставрации редких книг и документов. Сенсацией для широкого зрителя прозвучали копии в натуральную величину с древних фресок Успенского собора во Владимире. Их выполнил Александр Петрович Некрасов. Сами фрески находятся в труднодоступных местах храма, в частности — за иконостасом. Увидеть их в соборе практически невозможно. Выставка же предоставила зрителю такую возможность. А сегодня часть этих копий, приобретенных музеем-заповедником, находится уже в постоянной экспозиции.

Долгое время нам не удавалось показать работу с памятниками архитектуры. Их реставрация — процесс длительный. Результаты приходят с годами, и ощущать их мы

начали совсем недавно. Показать это нам удалось только теперь, на третьей реставрационной выставке. Она экспонировалась в залах Областного центра изобразительных искусств. Выбор помещения не был случайным. Здание долгое время находилось в реставрации. Работали наши архитекторы. А теперь объект переживал свое второе рождение. Выразить свое архитектурное творчество было делом чести.

Я сам удивился, насколько ярко Владимирская земля предстала на этой выставке не только в многомерности прожитого ею времени, но и в единстве ее художественного пространства. Линейная строгость проектов архитектурной реставрации оттенялась звучным мажором живописных полотен, икон, книг, скульптуры.

В книге отзывов о выставке есть такая запись: «Владимир, 23.11.2001. Дорогие друзья! Радостно сознавать, что во Владимирской области сохранились замечательные русские мастера, которые хранят великие традиции отечественной культуры. И очень важно, что, сохраняя шедевры национального искусства, на Владимирской земле рождаются новые центры творчества, такие, как этот дом изобразительного искусства. Успехов Вам! Искренне Ваш М. Швыдкой, министр культуры России».

Конечно, такой отзыв обрадовал весь коллектив. Действительно, содружество муз творит чудеса.

Реставрационная выставка в залах
Областного центра изобразительных искусств. 2001 г.